

№ 123 ДВА ВОРА

Были два парня. В школу ходили вмессе. Ну, с девочкам дружили. И, в школу ходивши, воровали. Там... то у учителя, то – меж собой.

Всё, школу кончыли. В онно́ва родители заболели. Ну, этот остался, а другой пошё... поехал в город. Этот звал, городской, гыт:

– Давай поедем в город! Там можно прожить!

Ну. А етот:

– Не, я родителей ня брошу и буду в дярвенне действовать.

Ну, так и ряшили. Этот поехал, а этот в деревне остался – па́коссить. Ну, па́коссил-па́коссил. Потом встречающца с другом. На дороге. Тот с города едет в деревню, а этот, наоборот, – в город. Повстречались, поговорили. Ну, што... А дярвенский гыть:

– В деревне, – говорить, – народ ушлый! Никак не оманить никого. Ну, не оманить, значит, не оманить. А городской:

– А в городе – и подáвнее!

Ну, согласилися, пошли в дярвеню. Видють: под лесом пашеть мужик. На лошади. Да...

– Вот, – грить, – и деньги!

– А как? – говорить. – У мужука в руках лошадь. Если она... В рукопашную брать?

– Зачем, – гыть, – в рукопашную? А сделаю, – гыть, – штоб сам мужик вшёл.

Ну, этот пошёл под лесом на ёлку забрался. Ну, а мужик... Такú полянку... эту лошаде́нку пашеть. Этот спрятался за этым, за кустам.

– От, – гыть, – как войдётся мужик от лошади, снимай хомут и езжай на тые перякрёстки – дожидай меня там!

Ну, вот подъязжает мужик ближе к лесу, а ён на ёлке сидить.

– Вот чудо так чудо!

Ну, опять мужик разворачыващца, опять едет второй... заходку. А ён опять:

– Вот чудо так чудо!

Да несколько раз так. Мужик останавливайт коня:

– Тпру!

Надо ж посмотреть, что за чудо! [Смеётся] Ну вот, подходить к ёлке.

– Ну, расскажи, что ты за чудо?!

А ён за голову́ взявши:

– Вот чудо так чудо! Ну, чудо так чудо!

– Так слезь ты же с ёлки! Расскажи, что ты за чудо!

Он уже видит, что хомут долой, товарищ сел, уже верхом погнал коня. Он опять с ёлки слез, нагнулся на корточки, за голову́ взялся.

– Вот чудо, – говорит, – так чудо!

Мужик опять:

– Ну, что ты за чудо?!

– А вот, – говорит, – я сидел на яли́, а твою кобылу увяли! [Смеётся]

Ну вот, ввяли, значит, ввяли. Он бац туда: правда! Кобылы нет! Хомут... Хомут да плуга. Ну, пока к этим, к этим гнался, и это, за этим, за мужуком, и етот вшёл.

Ну, согнали на перякрёстке, кобылу прода́ли.

– Вот, – гыть, – и деньги есь!

Дальше идут. Идут по дороге, видють: бабка молоко это... вязётъ. В завод. На бричке на такой. На быке (шо это после войны уже). Ну, на быке едетъ. Городской:

– Вот и мясо!

– А как ты ба... К бабе приставать будешь? Баба возмётъ да, понимаешь, закричьтъ. Или что.

– Зачем? – гыть. – Она, – гыть, – са́ма от быка войдётъ! Ну, и идутъ дальше. Городской взял – ботиночки в яво добрые – раз-раз: тряпочкой подтёр, штоб блессели! Кидь посярёд дороги ботинок! Дальше идутъ. Ну, отошли километра два и наблюдають. Баба доехала до этого ботинка, слезла с брички, поглядела:

– Эх, ботинок доб*... ды што с ево с онно́ва?!

И кидь, опять кидь яво... на дорогу! Дальше... Ну, а эти наблюдають. «Вишь, уже, – гыть, – клюнуло!» Пошли дальше,

отошли немножко, сели... в кустах. Городской раз-раз второй ботиночек... кидь на дорогу! Баба:

– Ах, мать дорогая! Доехала! Да и парныйи!

И за тым ботинком! Пока за тым бегала, понимаешь, эти быка с запряжки вон! Увяли, вот зарезали – и мясо есь!

Дальше идуть. Дальше идуть, праздник какой-то женский: женшшыны гуляють.

Ну ево...

– Ну можешь эту... в балалайку играть? Балалайку... А сплясать?

– Да, – говорить, – спляшу, – деревенский.

Ну, заходят.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, бабыньки!

А, бывало, бабы – в самом разгаре гульни*. Ну, городской цоп балалайку! И давай наяривать! Во! Женшшыны в пляску. Всё. Да по рюмочке и им. А этот городской мигает:

– Ты ня пей!

И тянеть-тянеть, а сам – за воротник. Чтоб не напицца. Ну, и по-ошёл этот плясать, деревенский. Плясал-плясал, как заморился – бац в отхожую избу! Бабы:

– Ну, пускай поляжит, чё-т заморился. Поляжить...

Оттуда поляжал – опять в пляс пошёл:

– Всяво много, всяво много,

Только некуда дявать!

Ну, а этот балалайку играить:

– Женская руба-шка –

Тот же мя-шок:

Ры-ка-вьí за-вя-жи –

Ка-во хошь по-ло-жи!

Ну вот, так и сделал: опять поплясал, нашёл рубашонку там, добренько всё [в неё сложил], сходил, за окно выкинул и – до свиданья, бабки!

А бабки потом [догадались]:

– Вот он и припявал!

Им невдомёк.

Вот так и жили: и тряпки есь, и мясо есь, и деньги есь!